

Баронъ Дельвигъ и русская народная пѣсня

Дельвигъ принадлежитъ ко многимъ достойнымъ именамъ, затеряннымъ Мнемозиной. Его небольшое литературное наслѣдіе, справедливо оцѣненное современниками, было почти совсѣмъ забыто во второй половинѣ XIX вѣка; если же о Дельвигѣ и вспоминалъ кто нибудь, то чаще лишь, какъ о другѣ Пушкина, и оцѣнка поэзіи его въ этотъ періодъ очень невысока. Гаевскій въ подробной статьѣ по поводу изданія Смирдина*) называетъ твореніе Дельвига сочиненіями, „которыя перешли для насъ изъ категоріи современныхъ къ произведеніямъ, имѣющимъ значеніе только относительное и любопытнымъ съ историко-литературной точки зрѣнія“. Такая оцѣнка кажется несправедливой послѣ того восторженнаго отношенія, какое питалъ Пушкинъ къ произведеніямъ своего друга, хотя отношеніе это было, конечно, преувеличено дружескимъ пристрастіемъ. Оцѣнка Гаевского характерна для всего послѣдующаго періода, и даже въ новѣйшее время, столь противоположно смотрящее на художественныя цѣнности прошлаго, заставившее снова преклониться передъ гениями Языкова и Баратынскаго, выведшее изъ мрака забвенія даже Каролину Павлову, оставило въ тѣни Дельвига. Трудно согласиться съ мнѣніемъ Гаевского и едва ли можно отказаться отъ признанія безотносительной цѣнности за такими пѣсами, какъ „Сонетъ Языкову“, „Диѳирамбъ на пріѣздъ трехъ друзей“ или элегическій сонетъ „Златыхъ кудрей пріятная небрежность...“

Можно признавать и не признавать за Дельвигомъ крупнаго дарованія, но нельзя отрицать въ его гармоническомъ стихѣ той стройной мягкости и дѣвственной чистоты, какія составляютъ отличительныя и лучшія качества славной плеяды Пушкинскаго времени.

*) Полное собраніе сочиненій Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига, изд. Ал-дра Смирдина. СПб. 1850.

По крайней мѣрѣ современники цѣнили, какъ должно, талантъ Дельвига, и онъ самъ, зная это, говоритъ въ стихотвореніи „Къ друзьямъ“:

„И со струной струна перекликалась,
Въ согласный звонъ сливаясь подъ рукой,
И вы, друзья, любили голосъ мой“.

Нѣсколько пѣсень¹⁾ доставили Дельвигу извѣстность едва ли не большую, чѣмъ его прославленные идилліи. Мнѣнія, выраженныя друзьями и критиками поэта, даютъ намъ понятъ, съ какимъ восхищеніемъ относилась къ пѣснямъ Дельвига не только публика, но и литературный міръ. Кс. Полевой пишетъ: „Но истинное сокровище для русскаго читателя представляютъ русскія пѣсни и присказки барона Дельвига. Здѣсь авторъ нашъ, не связанный чуждымъ вліяніемъ... является во всей красѣ разгульнаго русскаго народа, у котораго въ пѣсняхъ слышится грусть, и часто веселье оканчивается слезами. Никто лучше бар. Дельвига не воспользовался счастливою мыслью А. А. Мерзлякова, показавшему намъ всю прелесть родныхъ нашихъ пѣсень.“²⁾ Далѣе Полевой отдаетъ предпочтеніе Дельвигу передъ Мерзляковымъ въ отношеніи нѣжности и вкуса.³⁾ Иванъ Кирѣевскій указываетъ, что „поэзія, которою исполнены русскія пѣсни Дельвига, ближе русскому сердцу; въ этихъ пѣсняхъ отзывается гармоническимъ отголоскомъ задумчивая грусть и поэтическая простота нашихъ русскихъ мелодій“⁴⁾. Пушкинъ, всегда слишкомъ снисходительный къ другу, также высоко ставилъ его пѣсни, и въ письмѣ къ Баратынскому изъ Одессы отъ 12 Января 1824 года называлъ Дельвига „молодцомъ“, прочтя его пѣсни: „Что, красотка молодая“ и „Голова ль моя голушкa“. Въ горячей литературной полемикѣ 20-хъ годовъ между приверженцами старины и новымъ „романтическимъ“ направленіемъ Дельвигъ былъ однимъ изъ центральныхъ лицъ. главнымъ образомъ, какъ редакторъ періодическихъ изданій и какъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ представителей молодого поколѣнія. Поэтому нападки на Дельвига

¹⁾ По изданію Суворина пѣсень насчитывается 18, по изданію приложенному къ „Сѣверу“ (редакція Вал. Майкова)—16. Среди нихъ одна (№ 18.) озаглавлена „Малороссійская мелодія“, слѣдовательно, должна быть исключена изъ числа „русскихъ пѣсень“.

²⁾ Эта цитата и другія, касающіяся литературныхъ отношеній поэта, заимствованы мною изъ статьи Гаевского („Дельвигъ“, въ „Современникѣ“ 1853 г.) и изъ книги Трубицына „О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка“ (С.-Петербургъ, 1912).

³⁾ „Московскій телеграфъ“ 1829 г.

⁴⁾ „Европеецъ“ 1832 г. Лестные отзывы даетъ также, „Tygodnik Peterburgski“ и „Московскій телеграфъ“ за 1825 г.

со стороны журналовъ враждебнаго направленія, нападки не всегда корректныя, далеко не рѣдки. Между прочимъ и „русскій стиль“ Дельвига вызывалъ часто колкія насмѣшки, чему еще способствовала нѣмецкая фамилія поэта. Въ сатирической статьѣ „Благонамѣреннаго“ за 1823 годъ Дельвигъ выведенъ подъ именемъ господина Молокососова, который, по словамъ сатирика, „подслушалъ, кажется у народа всѣ стихотворенія или романтическія выраженія, разгадалъ трудную загадку, въ чемъ состоитъ народность поэзіи“. Въ другой статьѣ „Сплетница“, въ „Сѣверномъ Меркуріи“ 1830 г., авторъ, Бестужевъ-Рюминъ, остроумно осмѣиваетъ русскія склонности Дельвига, — который скрытъ подъ именемъ „Аделаиды Антоновны“: „Надобно замѣтить, что Аделаида Антоновна—великая проказница. Несмотря на то, что она, какъ можно судить по ея прозванію, не коренная россиянка, — она иногда любитъ щеголять въ старинномъ русскомъ нарядѣ, который (повторяемъ, что мы—люди безпристрастные) иногда идетъ ей весьма къ лицу и дѣлаетъ ее довольно миловидною“. Кирѣевскій въ „Обозрѣніи русской словесности“ за 1829 годъ¹⁾ говоритъ, что муза Дельвига была бы древней, если бы поэтъ не прикрылъ ее нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ „душегрѣйку новѣйшаго унынія“. Удачное выраженіе Кирѣевского имѣло такой успѣхъ у литературныхъ недруговъ поэта, что „душегрѣйка новѣйшаго унынія“ затѣмъ встрѣчается во многихъ сатирическихъ статьяхъ разныхъ авторовъ, въ примѣненіи также и къ народнымъ пѣснямъ Дельвига. Приведенные отзывы и нападки сатиры показываютъ, что опыты Дельвига въ русскомъ родѣ не только вызвали восторги и одобренія литературныхъ соратниковъ поэта, но и возбудили цѣлый рядъ выходокъ полемическаго характера со стороны его недоброжелателей. Появленіе русскихъ пѣсень Дельвига было фактомъ значительнымъ въ литературѣ 20-хъ годовъ.

Подражаніе народной пѣснѣ, какъ литературный родъ, — фактъ не только не единичный, но и далеко нерѣдкій въ началѣ прошлаго вѣка. Въ качествѣ подражателей народной пѣснѣ на словесномъ поприщѣ еще блисталъ литературный ветеранъ Дмитріевъ, за нимъ слѣдовали такіе даровитые поэты, какъ А. Мерзляковъ и Цыгановъ. Цѣлый хоръ болѣе мелкихъ авторовъ, затѣненный этими выдающимися именами, упражнялъ свое незамѣтное дарованіе въ подражаніяхъ народной лирикѣ и эпосу.²⁾ Пѣсни ихъ были разсѣяны по разнымъ журналамъ,

¹⁾ „Моск. Телеграфъ“ 1830, № 8.

²⁾ Къ этимъ мелкимъ поэтамъ принадлежатъ: Нелединскій-Мелецкій, вн. Ив. Мих. Долгорукій, Мих. Сушковъ, кн. Шаликовъ издатель сентиментальнаго „Дамскаго Жур-

вообще охотно принимавшимъ псевдо-народныя стихотворенія, или выходили отдѣльными книгами. Нѣкоторыя изъ ихъ пѣсенъ пользовались широкой популярностью, какъ напр. пѣсни Макарова или Ибрагимова. Теперь всѣ эти авторы полузабыты, имена ихъ почти потеряли свою индивидуальность и служатъ лишь достойнымъ фономъ для болѣе яркихъ величинъ пушкинскаго времени. Наконецъ и у первостепенныхъ поэтовъ, удѣлявшихъ лишь случайное вниманіе этому роду литературы, встрѣчаются единичные опыты въ ложно-народномъ духѣ.¹⁾ Пушкинъ заключилъ этотъ періодъ развитія псевдо-народной пѣсни и ему суждено было затмить всѣхъ предшественниковъ безупречной народностью своихъ твореній.

Одинъ брошенный взглядъ на поэтическую литературу пушкинскаго времени показываетъ съ очевидностью, какимъ широкимъ распространеніемъ пользовалась народно-подражательная поэзія, и какими выдающимися достоинствами должны были обладать пѣсни Дельвига, чтобы возбудить такія оживленныя мнѣнія въ то время, когда русская литература была наводнена ложно-народными пѣснями. Самъ Дельвигъ также, очевидно, цѣнилъ свои русскія пѣсни, по крайней мѣрѣ ихъ онъ печаталъ въ „Полярной звѣздѣ“ и въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“, изданійхъ, гдѣ ему нужно было во всякомъ случаѣ не унижать своего престижа.

Подражательность была вообще однимъ изъ опредѣляющихъ свойствъ творчества Дельвига. Во всѣхъ произведеніяхъ его мало самостоятельности. Скудность индивидуальныхъ чертъ заставила даже проницательный умъ Пушкина ошибиться относительно подлиннаго призванія Дельвиговой музы, когда въ письмѣ изъ Кишинева отъ 23 Марта 1821 года онъ совѣтуетъ своему другу обратиться къ истинному удѣлу поэта, къ „поэзіи мрачной, богатырской, сильной, байронической“. Стихотворенія Дельвига носятъ часто явно подражательный характеръ, и слѣдуетъ сказать, что Дельвигъ достигалъ въ подражаніи большого совершенства. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его идилліи, не копирующія рабски античныхъ образцовъ, но близко подходящія къ нимъ по духу. Существеннымъ недостаткомъ ихъ

нала“, А. Востоковъ и кн. Цертелевъ авторы теоретическихъ сочиненій по русскому стихосложенію, второй также товарищъ Дельвига по цензурному комитету „Общества Любителей Росс. Словесности“. Остолоповъ составитель извѣстнаго „Словаря древней и новой поэзіи“, Ст. Юшковъ, Грамматинъ, Анна Бунина, Макаровъ, Филимоновъ, Ибрагимовъ, кн. Кугушевъ, Анненковъ и много другихъ, частью анонимныхъ.

¹⁾ У Жуковскаго („Кольцо души-дѣвницы“), кн. Вяземскаго („Собирайтесь, дѣвки красны“) и Баратынскаго („Страшно воетъ, завываетъ вѣтръ осенній“).

является слишкомъ украшенное и образное построение отдѣльныхъ фразъ и нѣкоторая нестройность ихъ растянутой формы,—недостатки, не свойственные греко-римской поэзіи. Однако искусное пользованіе классическими образами и мирный, безмятежный, тонко понятый по-этомъ тонъ идиллій не разъ заставляеть вспомнить подлинныя эклоги античныхъ буколиковъ. Пушкинъ искренне восхищался идилліями Дельвига; онъ писалъ: „Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ; и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы“. Валеріанъ Майковъ называетъ идиллію любимую формою Дельвига и считаетъ его эклоги болѣе совершенными, чѣмъ подобные же опыты Гнѣдича. Но не одиѣ лишь идилліи имѣють подражательный характеръ. Многія антологическія стихотворенія носятъ живой отпечатокъ Анакреонта, напримѣръ безпечно легкомысленныя пьесы: „Въ день моего рожденія“, „Диеирамбъ“ и мя. другія. Нѣкоторыя стихотворенія настолько проникнуты духомъ Горация, что отдѣльныя мѣста изъ нихъ какъ будто переведены изъ пѣвца Хлои:

„Что намъ богатства искать? Имъ счастья себя не прикушимъ:
Всѣхъ на одной ладѣ—и бѣднаго Ира и Креза.
Въ мрачное царство Плутона, чрезъ волны ужаснаго Стикса
Старый Харонъ отвезетъ“ („Къ Діону“).

Эти четыре стиха могли быть начертаны стилемъ Горация.* Къ пьесамъ, подражающимъ Горацию, принадлежатъ еще посланія: „Къ А. С. Пушкину“, „Къ Евгению“, „Отвѣтъ Плетневу“ и др. Изящная пьеса „На смерть собачки Амики“ близкое подражаніе прославленнымъ гендекасиллабамъ Катулла „На смерть воробья Лесбіи“. „Русская баллада“, пародія на „Смальгольмскаго барона“ Жуковскаго, лишь подтверждаетъ способность Дельвига отдаваться чужой формѣ, отчасти и содержанію. Нѣтъ ничего естественнѣе, что Дельвигъ, испытавшій свои силы въ разнаго рода подражаніяхъ, обратился и къ русской народной пѣснѣ. Задача подражанія народной поэзіи, разрѣшеніе которой привлекало въ эту эпоху столь многихъ, стояла передъ Дельвигомъ, и если бы онъ прошелъ мимо этого рода поэзіи, онъ бы порѣшилъ противъ духа времени и основныхъ свойствъ своего дарованія. Дельвигъ, приступая къ созданію ложно-народной пѣсни ставилъ себѣ опредѣленно эстетическую, формальную задачу; для Дельвига русская пѣсня была такимъ же объектомъ подражанія, какъ и античныя идилліи или „Воробей“ Катулла. Эпиграфомъ къ своимъ пѣснямъ

Дельвигъ поставилъ Гетевское: „Ich singe, wie der Vogel singt“, но эта фраза лишь замаскировываніе, можетъ быть, бессознательное, того эстетизма, который лежитъ въ основѣ народно-подражательныхъ пѣсенъ поэта.

Эстетико-техническая задача, положенная въ основу поэтическаго произведенія, не должна нарушать и не нарушаетъ вдохновенія автора или его искренности, она лишь опредѣляетъ происхожденіе поэтическаго вида и утверждаетъ его искусственность. Дельвигъ былъ именно народно-подражательнымъ поэтомъ, искусственно подошедшимъ къ формѣ народной пѣсни. Связь Дельвига съ народной пѣснью была не органической, а эстетической. Это уже явствуетъ изъ того, какимъ образомъ онъ узналъ русскую пѣсню, и какъ свыкъся, даже сроднился съ ней.

При разсмотрѣніи отношенія Дельвига къ народности и къ русской народной поэзіи въ частности, врядъ ли слѣдуетъ принимать во вниманіе остзейское происхожденіе поэта. Баронъ родился въ Москвѣ, мать его была Русской, воспитывался онъ и жилъ въ условіяхъ русской жизни. Русскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ, рано ознакомился онъ съ нимъ и теоретически; при поступленіи въ Царскосельскій Лицей онъ хорошо былъ аттестованъ въ „грамматическомъ познаніи російскаго языка“. Наоборотъ, языкъ нѣмецкій онъ зналъ не въ совершенствѣ и при изученіи германской литературы пользовался помощью друга своего, поэта Кюхельбекера. Ни во внѣшности, ни въ характерѣ Дельвига не чувствовалось иностранца. Однако недолгая жизнь поэта сложилась такъ, что ему никогда не пришлось жить въ тѣсномъ соприкосновеніи съ народомъ и знакомиться съ русской народной поэзіей у самого ея корня. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ произошло первое знакомство Дельвига съ произведеніями народной поэзіи. Изданныя письма его чрезвычайно немногочисленны и не представляютъ вообще интереса. Сохранившіяся же письма къ Дельвигу Пушкина и Баратынскаго нисколько не освѣщаютъ этого вопроса. Есть, однако, полное основаніе предположить, что Дельвигъ рано столкнулся съ народной русской пѣсней. Между прочимъ извѣстенъ фактъ, что „Древнія російскія стихотворенія“ Кирши Данилова лицеисты имѣли еще въ 1815 году въ рукахъ (дневникъ Кюхельбекера); безъ сомнѣнія прочелъ ихъ и Дельвигъ, вообще читавшій все, что попадалось ему подъ руку. Столь же темевъ вопросъ, какимъ образомъ и въ дальнѣйшемъ ознакомленіе Дельвига съ народной словесностью. Дельвигу самому никогда не пришлось записать ни одной народной пѣсни. Во-первыхъ жизнь его протекла почти безвыѣздно въ родѣ;

извѣстны лишь двѣ продолжительныя отлучки поэта—одна въ Волынскую губернію, гдѣ онъ, можетъ быть, заимствовалъ свою „Малороссійскую идиллію“, и въ имѣніе свое въ Чернскомъ уѣздѣ, но дѣла по хозяйству, которыя ему пришлось устраивать, отвлекали его отъ литературныхъ изысканій. Къ этому надо прибавить и прирожденную лѣньность поэта, которая всегда заставляла чернила пересыхать въ его чернильницѣ. Такимъ образомъ непосредственнаго знакомства съ народной поэзіей у Дельвига не было, знакомство это происходило почти исключительно книжнымъ путемъ. Возможно, что Дельвигъ зналъ и непосредственныя записи Пушкина. Но ни о пушкинскихъ записяхъ, ни о книгахъ, какія могъ имѣть въ рукахъ поэтъ въ отношеніи къ нему—ничего не извѣстно. Но можно а priori сказать, что Дельвигъ, какъ блестящій знатокъ русской литературы, долженъ былъ хорошо знать и народную поэзію, представленную многочисленными пѣсенниками и поэтами-подражателями. Упомянувшійся уже Кирша Даниловъ стоялъ у Пушкина на полкѣ, пѣсенникъ 1780 года былъ тоже читанъ имъ; очевидно, они были въ рукахъ и у Дельвига. Къ услугамъ Дельвига была кромѣ того публичная библіотека, гдѣ онъ служилъ подъ начальствомъ Ив. Андр. Крылова помощникомъ библіотекаря. Когда Дельвигъ женился, и его гостинная стала однимъ изъ литературныхъ центровъ Петербурга, извѣстно, что и тутъ процвѣталъ живой интересъ къ народной словесности. Польскій поэтъ Мицкевичъ дѣлился съ гостями барона народными сказками. Хотя и лишенный непосредственныхъ впечатлѣній, Дельвигъ основательно изучилъ народную поэзію. Издатель „Малороссійскихъ пѣсенъ“ Максимовичъ пишетъ въ письмѣ къ Гаевскому о Дельвигѣ: „...мы съ часъ пробесѣдовали о народныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыхъ онъ въ ту пору былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ знатоковъ“. Тотъ фактъ, что Дельвигъ исключительно книжнымъ путемъ ознакомился съ русскими пѣснями, имѣетъ первостепенное значеніе: пѣсенники давали матеріалъ чрезвычайно нечистый; издатели большею частью считали своей обязанностью подчищать пѣсню, а иногда и совсѣмъ переименовывать ее. Этотъ пагубный приѣмъ, столь обязательный въ XVIII вѣкѣ, сталъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, но и въ эпоху Дельвига пѣсенники были очень несовершенны. Къ этому надо прибавить, что искаженные подлинно-русскія пѣсни помѣщались рядомъ съ пѣснями искусственными, часто неуклюжими поддѣлками. Весьма типичнымъ для составителя пѣсенника было слѣдующее предувѣдомленіе Михаила Попова, издававшего въ 1792 году въ Петербургѣ пѣсенникъ „Россійская Эрата“: „...Я рѣшился выправить ихъ повсюду, гдѣ взыскивала того нужда правилъ, убавляя и прибавляя вновь многія мысли, передѣлывая стихи и

переиначивая въ иныхъ и самое расположеніе, когда пристойность связи требовала того необходимо... Со старинными пѣснями поступилъ я такимъ же образомъ". Въ XIX вѣкѣ стали обращаться съ пѣснею болѣе почтительно, однако, даже прославленный пѣсенникъ Сахарова, вышедшій уже въ тридцатыхъ годахъ, признанъ позднѣйшими изслѣдователями внушающимъ подозрѣніе. Въ такой степени былъ несовершененъ тотъ матеріалъ, изъ какого могъ черпать Дельвигъ свои знанія народной пѣсни.¹⁾ Поэты-подражатели могли дать лишь слабое представленіе о нѣкоторыхъ приемахъ и образахъ народной поэзіи и во всякомъ случаѣ не могли оказать благотворнаго вліянія въ смыслѣ уясненія народной русской поэзіи. Однако слѣдуетъ оговориться, что и въ пѣсенникахъ встрѣчались нерѣдко тексты не искаженные, и на этихъ немногихъ образцахъ могло воспитываться надлежащее пониманіе и чувство русской пѣсни.

Подражаніе народному эпосу было весьма распространеннымъ явленіемъ въ началѣ XIX вѣка, однако, у Дельвига такія подражанія отсутствуютъ совсѣмъ. Народная лирика одна вызвала подражанія поэта²⁾. Уже этимъ отсутствіемъ эпического суживается объемъ пѣсенъ Дельвига. Но и лирика народная захватываетъ значительно болѣе широкій кругъ настроеній и сюжетовъ. Пѣсни Дельвига всѣ нѣжно-элегическаго, большинство же непосредственно-грустнаго содержанія. Въ русской народной лирикѣ грусть-тоска является однимъ изъ преобладающихъ настроеній. Грустное настроеніе вообще свойственно народной лирикѣ, тѣмъ болѣе русской, гдѣ надо имѣть въ виду условія исторія, природы и семейнаго быта.

Однако, грустью и жалобами далеко не исчерпывается духъ русскихъ пѣсенъ. Цѣлый рядъ пѣсенъ хороводныхъ, плясовыхъ, т. е. разгульныхъ, носятъ, наоборотъ, совершенно противоположный характеръ, характеръ необузданнаго, широкаго, не всегда трезваго веселья.

1) То, что Дельвигъ познакомился съ пѣсней книжнымъ путемъ, вовсе не значить, что поэтъ вообще чуждался народа; стоитъ вспомнить его прогулку съ Эргелемъ и Баратынскимъ въ кабакъ за Малымъ театромъ въ Петроградѣ, затѣмъ въ простонародный трактиръ и, наконецъ, на Шукинъ дворъ, гдѣ поэты покупали у уличнаго торговца горячіе пирожки. Но Дельвигъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы часто предпринимать подобныя прогулки и извлекать изъ нихъ какую нибудь литературную пользу.

2) Изъ 17-ти пѣсенъ (по изд. Суворина) слѣдуетъ еще откинуть № 16 и 17 по причинамъ стилистическимъ; пѣсня „Дѣдушка! Дѣвицы разъ мнѣ говорили“, не имѣетъ никакихъ притязаній на народность; она скорѣе навѣяна Анакреонтомъ; № 17 „На яву и въ сладкомъ снѣ“... носитъ характеръ романа, лишь слегка украшеннаго народными образами; и въ этой пѣснѣ Дельвигъ не ставилъ себѣ задачи подражанія народному стилю. Остальныя 15 пѣсенъ носятъ, дѣйствительно, характеръ народно-подражательный.

Создавая свои пѣсни въ грустно элегическомъ тонѣ, Дельвигъ платилъ дань эпохѣ, для которой русская народная пѣсня была синонимомъ пѣсни заунывной, тоскливой.

Для большинства цѣнителей русской пѣсни, элегическая сторона ея совершенно затмевала другія стороны, главнымъ образомъ—обрядовую и веселую. Въ этомъ отношеніи характерны сужденія о русской пѣснѣ у поэтовъ того времени: въ ХХІХ строфѣ „Домика въ Коломнѣ“ Пушкинъ говоритъ:

„Фигурно иль буквально, всей семьей,
Отъ ящичка до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло; грустный вой—
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта.
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ сейчасъ. Печалию согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ“.

У кн. А. И. Одоевскаго мы находимъ слѣдующія строки въ стихотвореніи „Славянскія дѣвы“:

„Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана—
Славой гремитъ, но грустно живетъ;
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи,
Грустно чело, заплаканы очи,
И заунывно пѣсни поетъ“....

Кн. Цертелевъ въ статьѣ: „О произведеніяхъ древней русской поэзіи“ (Спб. 1820) говоритъ: „Печаль и уныніе... составляютъ главное свойство старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя господствуютъ не только въ словахъ, но и въ самой ихъ музыкѣ“. Аналогичныя мнѣнія находимъ мы у многихъ другихъ авторовъ, напр., у Грамматина и Глаголева. Такое одностороннее пониманіе русской пѣсни было, хотя и преувеличено, но въ основаніи своемъ справедливо. Поэты-подражатели, какъ Мерзляковъ, Нелединскій и Дельвигъ, поняли этотъ основной тонъ и во всякомъ случаѣ не сдѣлали ошибки, положивъ его въ основаніе своей народно-подражательной лирики.

Основное настроеніе пѣсенъ Дельвига и мотивы ихъ взаимно обуславливаютъ другъ друга. Почти всѣ пѣсни Дельвига относятся къ области лирики чисто-любовной. Лишь три¹⁾ имѣютъ предметомъ безпричинную тоску, кручину одинокаго молодца. Остальныя на темы

¹⁾ 1, 2 и 4 по Суворину.

любви. Разлука, любовная тоска, нежеланный бракъ, скорбь по умершемъ любовникѣ—вотъ обычные мотивы пѣсень Дельвига, а также и другихъ подражателей и вмѣстѣ съ тѣмъ мотивы характерные для русской народной поэзіи.

Грустный, тоскливый тонъ пѣсень Дельвига является также слѣдствіемъ основного эстетизма ихъ. Такого настроенія требовали избранные мотивы, его требовало современное пониманіе народной пѣсни. Вообще печаль и тоска не были ни въ характерѣ Дельвига, ни въ характерѣ его творчества. Такова была природа поэта, но и жизнь его сложилась тихо, безъ бурныхъ приключеній, чаще осѣненная свѣтлыми радостями, чѣмъ минутами горя. Миръ и безпечность всегда жили въ душѣ „баловня поэта“. Въ знаменитой пьесѣ „Тихая жизнь“ Дельвига, описавъ всѣ мирныя прелести спокойнаго, уединеннаго, почти буколическаго существованія, говорить:

„Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру—и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ.
Что нужды? Я блаженъ. Я, живши, могъ найти
Покой въ безвѣстности и счастье въ Лилетѣ“.

Добродушный товарищъ и вѣрный другъ, онъ объединялъ вокругъ себя тѣсную семью молодыхъ „романтиковъ“. Нерѣдко собиралъ онъ своихъ „вакхическихъ друзей“ за бутылкою воспѣтаго пѣвцами Аи и былъ истинною душою этихъ веселыхъ и благородныхъ собраній, когда, по слову Баратынскаго,

„Вино текло, вино сверкало,
Сверкали блестики острыхъ словъ,
И вѣки сердце проживало
Въ немного пламенныхъ часовъ“.

Лѣнь, безпечность и добродушіе были отличительными чертами поэта. „По характеру своему онъ былъ расположенъ къ самой счастливой веселости и безпечности“, пишетъ Плетневъ¹⁾. Судьба дала спокойную и безмятежную, хотя и краткую, жизнь пѣвцу лѣни и нѣгъ, который, по словамъ Пушкина, „геній свой воспитывалъ въ тиши“. Счастливая женитьба на Софіи Салтыковой, внесла новыя радости въ жизнь Дельвига. До самой смерти эта жизнь не была омрачена никакими грустными событіями. Творчество Дельвига ясно отразило его душу, его жизнь. Бывали и у него минуты тоски, скорѣ

¹⁾ Некрологъ о Дельвигѣ.

меланхолія, о которыхъ свидѣтельствуешь и Баратынскій¹⁾), заставившія его создать такія пѣсы, какъ „Разочарованіе“ и „Грусть“. Но немногочисленные стихи такого настроенія затериваются въ произведеніяхъ, прославляющихъ счастливую любовь или Горацианскіе пиры съ безпечною, достойной молодого Анакреонта;

„Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!“

признается самъ поэтъ. И характеръ поэта и его произведенія убѣждаютъ насъ, что печаль была совсѣмъ не въ свойствахъ „вольнаго баловня забавъ“, больше всего цѣнившаго спокойствіе своей лѣнивой души. Поэтому, когда мы читаемъ пѣсню

„Голова ль моя головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болншь ты, что ты клонншься
Ко груди, къ плечу могучему?“

то еще убѣдительное становится то, что тонъ Дельвиговскихъ пѣсень обусловливался одними эстетическими побужденіями. Дѣйствительно, всѣ мотивы Дельвиговскихъ пѣсень стоятъ въ діаметральной противоположности съ событіями его жизни. Его пѣсни—пѣсни несчастной любви, пѣтыя счастливымъ любовникомъ. Между ними лишь одна пѣсня: „Сиротянушка-дѣвушка“ проникнута теплою искренностью и выгодно выдѣляется среди другихъ пѣсень, ложныхъ и по мотивамъ, и по настроенію. То, что мотивы пѣсень никакъ не соотвѣтствовали событіямъ жизни поэта, а настроенія ихъ были не совсѣмъ свойственны его характеру, еще усугубляло и такъ уже трудную задачу эстетическаго подражанія.

Изслѣдуя настроенія пѣсень Дельвига, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что та тоска, та скорбь, какая разлита въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ, не вполне въ соотвѣтствіи съ грустью Дельвига. У Дельвига эти чувства смягчены, приглушены, никогда не являются въ той обнаженности, какая встрѣчается въ пѣсняхъ народныхъ, напр. въ такихъ, какъ: „Ужь не лебедь ходить бѣлая“ или „Ой, ты дума моя думушка“, чувства эти лишены Дельвигомъ ихъ первобытной простоты. Это, однако, не значить, что Дельвигомъ подчинилъ ихъ сентиментализму. Сентиментализмъ, владѣвшій псевдо-народной пѣсней въ концѣ XVIII вѣка, продолжалъ заражать ее и въ началѣ XIX-го.

1) „Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль,
Кому вѣрялъ признанья въ грусти тайной?“
(„Къ Дельвигу“, стр. 26—27).

Пѣсни другого знаменитаго поэта, пѣснеписателя, Дмитріева, еще вполнѣ подвластны ему. Не лишены сентиментальныхъ слабостей и пѣсни Мерзлякова, хотя онѣ и представляютъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ Дмитріевымъ. Въ пѣснѣ V Мерзлякова (изд. Суворина) читаемъ:

„Голубчикъ печальный,
Не плачь, не тужи.
Ты можешь въ отраду
Хотя умереть.“

Эти строки Мерзлякова могутъ поспорить въ сентиментальности съ знаменитымъ „Голубочкомъ“ И. И. Дмитріева:

...„Ждетъ ее... увь. Но тщетно;
Знать судилъ ему такъ Рокъ.
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ“...

Такихъ явно сентиментальныхъ чувствованій и выраженій уже не встрѣчается въ пѣсняхъ Дельвига; то, что въ нихъ отсутствуетъ въ яркой формѣ „чувствительность, души сладчайшая отрада“,—ставитъ пѣсни Дельвига значительно выше пѣсенъ Дмитріева и многихъ Мерзлякова. Не подчиняясь вліянію грубаго сентиментализма, Дельвиго, конечно, былъ далекъ отъ ложно-классицизма и слащавой пасторальности; въ пѣсняхъ Дельвига, которыя многіе признаютъ все же не лишенными сентиментальныхъ чертъ, проявляются настроенія элегіи въ современномъ смыслѣ этого слова. Неопредѣленные влеченія, безпричинная тоска, наконецъ, разочарованіе, находятъ себѣ мѣсто въ русскихъ пѣсняхъ Дельвига и дѣлаютъ ихъ произведеніями, близкими къ романтизму. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательны пѣсни 1, 2, 4 и 6.

Пѣла, пѣла пташечка,
И затихла;
Знало сердце радости,
И забыло.
Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку.
Злая вьюги;
Погубили молодца
Злые толки.
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;

Убѣжать бы молодцу
 Въ лѣсъ дремучій.
 На морѣ валы шумять,
 А не вьюги;
 Въ лѣсѣ звѣри-лютые,
 Да не люди.

„Злые толки“, погубившіе молодого человѣка, стремленіе къ природѣ отъ человѣческаго общества, предпочтеніе лѣсныхъ звѣрей передъ людьми—все это элементы почти Байроническаго настроенія; то же можно сказать и о тоскующемъ молодцѣ пѣсни 4-ой, безъ видимой причины потерявшемъ „прежнюю волю съ прежней радостью“. Въ пѣснѣ 6-й дѣвушка говоритъ:

„Свѣжій запахъ каждой травки полевой
 Вреденъ дѣвницѣ весеннею порою.
 Хочетъ съ кѣмъ то этимъ запахомъ дышать
 И другимъ устами его передавать;
 Вѣлой груди чѣмъ то сладкимъ тяжело,
 Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло“.

И безпричинная тоска предыдущихъ пѣсней, и сложная неопредѣленность чувствъ, неясныя влеченія послѣдней пѣсни принадлежать къ сферѣ вновь народившихся чувствъ, далекихъ отъ ложно-классицизма и сентиментализма, но еще болѣе далекихъ, можетъ быть, отъ настоящихъ, простыхъ народныхъ чувствованій. Именно эти новыя настроенія, попадающіяся въ пѣсняхъ поэта, и дали поводъ къ „душегрѣйкѣ новѣйшаго унынія“, такъ какъ уныніе, положенное въ основу всѣхъ Дельвиговскихъ пѣсней Кирѣевскій назвать „новѣйшимъ“ никакъ не могъ. Эти же не народные, новыя настроенія сдѣлали то, что пѣсня Дельвига напоминаетъ иногда наивный романсъ александровскаго времени. Этому сходству съ романсомъ способствовала еще одна черта дельвиговскихъ пѣсней, имѣющая первостепенное значеніе: пѣсни Дельвига въ большинствѣ случаевъ написаны въ формѣ лирической, понимая лирику въ данномъ случаѣ болѣе узко, какъ выраженіе поющимъ лицомъ своихъ собственныхъ чувствъ. Народная пѣсня, по большей части, описательна, объективна. Не только обрядовая, но и большинство такъ назыв. „семейныхъ“ пѣсней написаны не отъ перваго лица. Эта непосредственно лирическая форма отдаляетъ пѣсни Дельвига отъ народной пѣсни, но роднитъ ихъ съ искусственнымъ романсомъ.

Исключительно яркая образность—одно изъ важнѣйшихъ качествъ русской народной пѣсни. Русская пѣснь рѣдко выражаетъ мысль въ обнаженномъ ея видѣ; большею частью—мысль въ видѣ образа или

въ сопровожденіи его. Эта образность даетъ русской пѣснѣ ея необычайную красочность и яркость. При созданіи народно-подражательной пѣсни передъ поэтомъ стоитъ задача такъ же насытить свое подражаніе образами, какъ насыщена ими народная поэзія. Эта задача, представляя большое испытаніе для художественнаго такта подражателя, затрудняется еще и тѣмъ, что образность древне-русской пѣсни совершенно особеннаго рода. Русская народная лирика символична. Нерѣдко символична вся пѣсня, по своему цѣльному смыслу, напр.: „Подойду, подступлю подъ Иванъ-городъ каменный... Выведу, выведу душу красну дѣвицу“, но чаще символизмъ проявляется въ двойственномъ значеніи образа. Созданная въ глубокой древности, пѣсня тѣсно была связана съ обрядностью и обычаями еще языческаго славянства. Языческій культъ, обряды брака, не исключая и умыканія у воды, народныя суевѣрія должны быть приняты во вниманіе при уясненіи народной пѣсни, какою она дошла до насъ. Народная пѣсня необыкновенно стойко сохраняетъ свои образы, появившіеся въ далекую эпоху первоначальнаго народнаго творчества. Каждый изъ этихъ образовъ, кажущійся намъ на первый взглядъ лишь художественнымъ элементомъ стили, имѣлъ первоначально свой опредѣленный символическій смыслъ, смотря по происхожденію своему отъ обряда, суевѣрія и т. п. Когда въ древнее время народный пѣвецъ употреблялъ въ пѣснѣ ея излюбленные образы, какъ „вѣнокъ“, „кольцо“, „соколы“ и т. п., для него было вполне ясно, что именно слѣдуетъ понимать въ образѣ; такъ: „кольцо“ и „вѣнокъ“ обозначали любовную вѣрность, договоръ любви. Если о вѣрности и не говорилось въ пѣснѣ, а употреблялся лишь образъ вѣнка, то въ самомъ этомъ образѣ уже таился символическій смыслъ. Это давало народной пѣснѣ двоякую и совершенную красоту. Ея образъ былъ художественнымъ элементомъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей глубоко-поэтическій смыслъ истиннаго символизма. Со временемъ, когда стали забываться многіе обычаи старины, образы пѣсни стали также утрачивать для народа свой истинный смыслъ, но, передаваясь изъ рода въ родъ, они не исказились въ цѣломудренныхъ устахъ народнаго преданія и дошли до нашихъ временъ въ дѣвственной чистотѣ своего яркаго символизма; и если для народнаго пѣвца они теперь и утратили добрую часть своего скрытаго содержанія, то знаніе позволяетъ возстановить символичность пѣсеннаго образа. Поэтъ-подражатель долженъ не только владѣть образами, какъ стилистическими элементами, понимать ихъ не только, какъ красивое выявленіе идеи, но долженъ неизмѣнно помнить ихъ символическій смыслъ, связывающій ихъ съ глубокою древностью. Баронъ Дельвигъ при созданіи своихъ пѣсенъ не совладѣлъ ни съ

тою, ни съ другою задачею. Прежде всего пѣсни его чрезвычайно блѣдны образами, чѣмъ невыгодно отличаются отъ пѣсенъ Цыганова и Мерзлякова. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Дельвига образъ отсутствуетъ вполне, уступая мѣсто описанію фактовъ¹⁾ или лирическому изліянію²⁾ Эта скудость образности—одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ Дельвиговскихъ пѣсенъ. Какимъ бѣднымъ покажется псевдо-народное вдохновеніе Дельвига передъ этими 6-тью стихами русской пѣсни:

„Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цвѣтамъ лазуревымъ.
Гулай, гулай, воля,
По чистому полю,
Бѣлѣй, бѣлета,
На бѣлой березѣ,
Чернѣйтеся, очи,
У черного ворона.“

Изъ обычныхъ символическихъ образовъ народной пѣсни у Дельвига встрѣчается только „кольцо“. Этотъ образъ употребленъ Дельвигомъ въ трехъ пѣсняхъ³⁾, и употребленъ, какъ будто, съ пониманіемъ его символа.

Съ другой стороны такіе образы, какъ „вѣнокъ“, „каленая стрѣла“, „коршунъ“, „кукушка“, „соколъ“, безъ которыхъ рѣдко обходится народная пѣсня, совсѣмъ упущены поэтомъ. Иные же образы употреблены Дельвигомъ безъ пониманія ихъ внутренняго смысла, сведены на чисто стилистическое украшеніе, напр.:

„Не воркуй, касаточка,
Сидя въ темномъ гнѣздышкѣ
Подъ кустомъ малиновымъ.“

Образный эпитетъ „малиновый“ имѣеть здѣсь случайный, ничѣмъ не оправдываемый характеръ, не говоря уже о томъ, что касаточка, свившая гнѣздо въ малинѣ,—явленіе весьма неправдоподобное. Калина-малина, какъ и калина просто, имѣютъ въ русской пѣснѣ опредѣленный символическій смыслъ. Онѣ означаютъ сначала дѣвушку, затѣмъ и отвлеченное понятіе дѣвственности. Съ этимъ связываются и нѣкоторые народные обряды. Очень умѣло образъ калины-малины употребленъ Цыгановымъ въ пѣснѣ 14:

1) Пѣсня 12.

2) Пѣсня I.

3) 3, 5 и 10.

„Ахти, калинка моя,
Ахти, свѣтъ малинка моя.
Все то въ теремѣ сидючи,
Съ старымъ мужемъ горюючи.“¹⁾

Иногда, наконецъ, Дельвигъ, употребляя символическій образъ, тутъ же раскрываетъ его символъ, чѣмъ нарушаетъ всю сущность символизма. Такой приемъ глубоко антихудожествененъ. Напр.:

„На всей краѣ, на берегѣ
Растетъ, цвѣтетъ шиповничекъ.
Въ шиповничкѣ—тоска моя;
Тоска—шипы, любовь—цвѣты,
Изъ слезъ моихъ роса на нихъ.“

Что же создаетъ въ пѣсняхъ Дельвига тотъ русскій стиль, столь отличающій ихъ отъ Дмитріева? Образа символическаго, какъ неотъемлемой части русской пѣсни, у Дельвига почти нѣтъ; но образность внѣшняя, заключающаяся въ стилистическихъ мелочахъ создаетъ пѣснямъ поэтамъ ихъ первое какъ будто русское впечатлѣніе. Цѣлымъ рядомъ внѣшне-русскихъ образовъ, эпитетовъ испещрены пѣсни Дельвига. Выраженія, какъ то: за тридевять земель, тоска-кручина и т. п., псевдо-русскіе мотивы, въ родѣ расчесыванія кудрей,—нерѣдки въ пѣсняхъ поэта. Однако, если присмотрѣться внимательнѣе ко всѣмъ этимъ „ленточкамъ“, „конопляночкамъ“, „кровелькамъ“, „ставенькамъ“ и т. п., то чувствуешь въ нихъ не элементы древне-русской пѣсни, даже древне-русскаго быта, а скорѣе нѣкій прообразъ того ложно-русскаго „пѣтушинаго“ стиля, который создалъ альбомы Лукутина, русскіе романы Дюбука и въ послѣднемъ вырожденіи своемъ жалкую псевдо-русскую архитектуру послѣдней четверти прошлаго столѣтія.

Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ есть рядъ образовъ и понятій, принадлежащихъ къ особой категоріи, придающихъ пѣснѣ странную и грустную красоту; я разумѣю такія понятія, которыя давно не связаны съ русской жизнью и безконечно далеки отъ средне-русской равнины, гдѣ сохранялась и расцвѣтала русская народная пѣсня:

„Ахъ горы вы, горы крутыя.
Ничего вы, горы, не породили.“

или:

„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“...

¹⁾ Было бы, однако, слишкомъ смѣлымъ предположить, что Цыгановъ зналъ о символическомъ значеніи этого образа, хотя и другіе образы, какъ „соколы“, „кукушка“, употреблены имъ весьма умѣстно.

или:

„У батюшки жалости не было,
Не снялъ меня, дѣвицу, съ моря“...

или:

„Протекало синее море,
Слетались птицы стадами“...

или:

„Ахъ ты, садъ ли, ты мой садочекъ,
Садъ да зеленое виноградь“..

или:

„Дунаю, Дунаю, чего смутенъ течешь?“..

Крутыя горы, синее море, виноградь, Дунай, лебедь, орлы,—какой чуждый и вмѣстѣ съ тѣмъ какой неотъемлемый элементъ русской пѣсни. Эти образы—пережитки далекаго историческаго прошлаго, отзвуки когда то близкой, давно чуждой жизни. Русскій всегда стремился къ морю, сознание русскаго народа съ завистью смотрѣло на утраченные счастливые берега Дуная, и эти сладкія воспоминанія придають русской пѣснѣ такое же очарованіе, какое даетъ античной поэзіи воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ. Дельвигъ не почувствовалъ этой прелести, въ его пѣсняхъ присутствуетъ лишь море, очевидно, потому, что это понятіе уже слишкомъ ярко бросалось въ глаза, встрѣчаясь въ цѣломъ рядѣ распространенныхъ пѣсень. Слѣдуетъ оговориться въ пользу Дельвига въ томъ смыслѣ, что не ко всякой его пѣснѣ примѣнимы такіе образы и понятія, т. к. нѣкоторыя пѣсни поэта написаны на темы современныя и подражаютъ современной простонародной пѣснѣ.¹⁾

Для достиженія того же „русскаго“ впечатлѣнія Дельвигъ часто примѣняетъ славянизмы и простонародныя формы. „Вспокаются, прилука (4) кручинушка (5), оборонушка (7), младшенька (10) и т. д.“ Подобными выраженіями изобилуютъ его пѣсни, и этимъ, конечно, достигается въ значительной мѣрѣ ложно-народный эффектъ. Второстепенные образы и выраженія поэта, хотя и весьма народны, но какъ-то глубоко не вяжутся съ дѣйствительно русской народной жизнью и ея поэтическимъ выраженіемъ. Воспитанность и изящество Дельвига не позволяло ему быть рѣзкимъ и непосредственнымъ, чего требуетъ русская пѣсня. Мы можемъ встрѣтить у него такую не лишнюю наивности сцену: дѣвушка потеряла кольцо на огородѣ; мать бранить ее:

„И за это меня матушка бранила,
Стыдно плакать о колечкѣ—говорила,
Я куплю тебѣ колечко золотое,
Я куплю тебѣ колечко съ изумрудомъ“ (10).

¹⁾ Напр., № 9.

Но эта изысканность чувствованія и выраженія никогда не позволила бы Дельвигу сказать такъ просто, какъ сказано въ народной пѣснѣ:

„За что млада бита,
За что она мучена?“

Изысканность рѣчи даже ни разу не позволила Дельвигу употребить пѣсенное слово „дѣвка“, между тѣмъ какъ у него встрѣчается слащавое выраженіе „красотка“.

Народные обороты, вульгарныя формы и съ другой стороны деликатность чувствъ и мотивовъ даютъ вмѣстѣ неприятный диссонансъ, замѣтный, однако, лишь при вчитываніи въ пѣсни Дельвига. Не одинъ Дельвигъ страдаетъ этимъ недостаткомъ; ни пѣсни Мерзлякова, ни даже Цыганова не приближаются къ глубокой, проникновенной простотѣ русской народной пѣсни.

Наряду съ народными выраженіями, Дельвигъ иногда пользуется и стилистическими приѣмами народной пѣсни. Эти приѣмы сводятся, главнымъ образомъ, къ тремъ: параллелизму, сравненію и повторенію. Параллель въ народной пѣснѣ проводится, большею частью, между явлениями природы и чувствами и дѣйствіями человѣка:

„Ужь какъ палъ туманъ на сине море,
А тоска-кручина въ ретиво сердце“.

Дельвигъ тоже часто пользуется параллелями: такъ, вторая пѣсня вся состоитъ изъ двухчленныхъ параллелей:

„Пѣла, пѣла пташечка
И затихла.
Знало сердце радости
И забыло... и т. д.“

Трехчленный параллелизмъ встрѣчаемъ въ пѣсни 7-й:

„Хорошо цвѣту на полѣ,
Любо пташечкѣ на небѣ,—
Сиротинущкѣ дѣвущкѣ
Веселѣй того съ молодецъ“...

Свадебная пѣсня (II) написана въ видѣ одной двухчленной параллели. Наконецъ, въ одной пѣснѣ¹⁾ мы находимъ и отрицательный параллелизмъ:

„Не Волгой плыть, а слезы лить“.

¹⁾ „Сонъ“, 14.

Изъ извѣстныхъ предшественниковъ Дельвига не только Цыгановъ, но и Мерзляковъ гораздо шире пользуются параллелями, особенно отрицательными, и параллели у этихъ поэтовъ болѣе сильны, болѣе характерны, напр. у Цыганова:

„Ахъ, не шташечка,
Не ясенъ соколъ
Со тепла гнѣзда солетаетъ,
Въ путь дороженьку
Добрый молодецъ
Съ широка двора съѣзжаетъ“. (20)

или у Мерзлякова:

„Что не дѣвица въ теремѣ своемъ
Заплетаетъ русы кудри серебромъ,—
Мѣсяцъ на небѣ, безъ ровни, самъ большой
Убирается своею красотой“. (7)

На равныхъ правахъ съ параллелями Дельвигъ употребляетъ и сравненіе. Это противорѣчитъ обычаю народной пѣсни. Народная пѣсня рѣдко пользуется сравненіемъ. Сравненія же, встрѣчающіяся въ ней, чрезвычайно кратки и не являются сравненіями цѣлыхъ идей, а лишь понятій. Соединительнымъ словомъ въ народныхъ сравненіяхъ служатъ частицы „что“ или „словно“. Употребленныя Дельвигомъ сравненія въ рѣшительномъ противорѣчій съ народностью. Среди нихъ есть очень пространныя, сложныя, и соединительная частица въ нихъ „какъ“,—частица не свойственная народному языку. Привожу примѣръ изъ пѣсни 6-ой:

„Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Траву вспрыснетъ, но ея не освѣжитъ,—
Такъ и слезы не свѣжатъ меня молодой:
Скучно дѣвушка весною жить одной“.

Третьимъ приѣмомъ народной стилистики, повтореніемъ, Дельвигъ пользуется съ умѣніемъ и тактомъ, хотя, можетъ быть, слишкомъ рѣдко прибѣгаетъ къ этому характерному приѣму. Въ его пѣсняхъ попадаются очень удачныя повторенія, какъ напр.:

„Меня суженый сватаетъ,
Меня ряженный сватаетъ“ (II)

или:

„Чей у ней на ручкѣ перстень?
Чья въ повязкѣ лента,
Лента, ленточка цвѣтная
Съ золотой каймою?“ (5)

Однако, такихъ повтореній вообще въ пѣсняхъ Дельвига очень немного. Не менѣе искусственно пользовался ими и непосредственнѣй ихъ чувствовалъ Цыгановъ. Начало XIX пѣсни:

„Рано, рано вы, лазоревы цвѣты,
Рано, рано вы поблекли, отцвѣли“ (19)

или:

„Ахъ, дружочекъ миленькій
Мой дружочекъ.
Соколь сизокрыленькій
Соколочекъ“. (II)

Пѣсни Мерзлякова также не чужды этого приема:

„Развѣйтесь, развѣйтесь вы,
Дѣвическія кудри,
Поблекни, поблекни,
Дѣвическа прелесть“.

Иногда же достигаютъ и большой смѣлости, которой не было у Дельвига, напр.:

„Не ходитъ бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу“.

Такимъ образомъ всѣ три приема народнаго стиля были замѣчены и оцѣнены Дельвигомъ, но какая-то проглядывающая всюду несмѣлость помѣшала ему употреблять ихъ въ томъ обширномъ объемѣ, какого требовалъ стиль народнои поэзіи.

Наконецъ передъ тѣмъ, какъ перейти къ разсмотрѣнію пѣсенъ Дельвига съ точки зрѣнія формы въ болѣе узкомъ смыслѣ, приведу нѣсколько примѣровъ выраженій, никакимъ образомъ не вяжущихся съ народностью, нѣкоторыхъ lapsus'овъ стиля: въ пѣснѣ 8-й:

„Не тоскуй, красавица,
Вспоминая милаго
Друга юныхъ дней своихъ“.

въ пѣснѣ 5-ой:

„Или словомъ, или дѣломъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль нескромнымъ разговоромъ
Ввелъ при людяхъ въ краску“.

Примѣровъ такихъ lapsus'овъ не два и не три въ пѣсняхъ Дельвига, въ чемъ, между прочимъ, ему не уступаютъ другіе поэты-подражатели его времени.

Переходя къ изслѣдованію формы пѣсни Дельвига въ узкомъ смыслѣ слова, слѣдуетъ прежде всего остановиться на построеніи его

пѣсенъ. Построеніе это всегда чрезвычайно логично, закончено. Такое построеніе, гдѣ послѣдующее закономѣрно вытекаетъ изъ предыдущаго, должно быть тѣснѣйшимъ образомъ связано со степенью логичности заключенныхъ въ пѣснѣ мыслей и образовъ. Мы видимъ здѣсь полное соотвѣтствіе формы съ содержаніемъ. Мысли и образы у Дельвига всегда расположены въ отношеніи другъ друга закономѣрно, съ методической логикой. Возьмемъ пѣснь 9-ую:

По небу
 Тучи громовыя ходятъ;
 По полю
 Пули турецкія свинугъ,—
 Молодцу-ль
 Грома и пули бояться?
 Что же онъ
 Голову клонитъ да плачетъ?
 Бѣдному
 Жаль не себя, горемыки,—
 Жаль ему
 Душечки красной дѣвицы!
 Дѣвушку
 Грозный отецъ принуждаетъ,
 Красную
 Жалобно матушка молить:
 Дитяtko,
 Выдь за богатаго замужъ!
 Милое,
 Выдь! и не вспомнишь солдата.

Ходъ мысли въ этой пѣснѣ вполне логиченъ. Въ средней части—объясненіе начала, въ концѣ—объясненіе второй части. Въ этой безошибочной логичности идей и построения пѣсенъ Дельвига таится еще одно подтвержденіе ихъ ненародности. Русская народная пѣсня прежде всего логически и формально беззаконна. Ни мысль ея, ни ея образы не подчинены логической закономѣрности. Фантазія первобытнаго пѣснопѣвца подчинялась лишь властному требованію своей творческой интуиціи, не заботясь о логикѣ и стройности. Поэтому появленіе нѣкоторыхъ образовъ пѣсни не оправдано, они неожиданно какъ бы прерываютъ предыдущій ходъ мысли. Отъ этого вся русская пѣсня пріобрѣтаетъ характеръ нестройности и ничѣмъ не стѣсненной свободы творческаго изобрѣтенія, такъ что къ ней не примѣнимы мѣрки какого либо правильнаго построения.—

Не спала то я младешенька, не дремала,
 Я ни думала, младешенька, ни гадала,
 Съ правой ручки яснаго сокола опустила;

Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу
 Выше гѣсу, выше зеленой дубравы!
 Опускался младъ ясенъ соколъ на сине море,
 Онъ садился младъ ясенъ соколъ на корабликъ;
 По кораблику гостинный сынъ гуляетъ,
 Во звончатые онъ гусельки играетъ,
 Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
 Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
 Наживай себѣ друга милаго, иного.
 Буде лучше меня найдешь—позабудешь;
 Буде хуже найдешь—вспомынешь,
 Вспомынувъ меня, душа моя, заплачешь.¹⁾

Что же даетъ русской народной пѣснѣ ея художественное равновѣсіе? Въ чемъ заключается то эстетическое впечатлѣніе, которое она несомнѣнно производитъ? Конечно, не въ правильности, теоретически оправданной, а лишь въ скрытыхъ законахъ творчества, въ тайной закономерности слѣдованія поэтическихъ образовъ. Въ русской пѣснѣ, созданной интуитивно, вполне непосредственно, нѣтъ и не можетъ быть никакой разсудочности, никакой риторичности. Народный опытъ, выразившійся въ пословицахъ, никогда не нарушаетъ чистаго лиризма народной пѣсни. Элементы логическіе, какъ выводъ, доказательство; и дидактическія, какъ поученіе, мораль, отсутствуютъ въ народной лирической пѣснѣ. Разсудокъ мало принималъ участія въ созданіи народной пѣсни, уступая мѣсто чувству и творческой непосредственности. Пѣсни Дельвига цестрятъ мѣстами, вполне противорѣчащими народной непосредственности. Въ пѣснѣ 10 Дельвига находимъ такое глубоко разсудочное заключеніе:

„Любовь милаго дороже изумруда
 Любовь милаго дороже всего свѣта“...

или въ п. 6.

„Свѣжій запахъ каждой травки полевой
 Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой“.

Если изъ осторожности можно сомнѣваться въ преобладающей нелогичности и беззаконности русской пѣсни, то въ ея метрической беззаконности сомнѣнья быть не можетъ. При изслѣдованіи метровъ народной пѣсни слѣдуетъ прежде всего помнить, что русская пѣсня никогда не произносится безъ мелодіи, безъ пѣнія.

Въ русской народной пѣснѣ слова не подчиняютъ себѣ мелодіи; они являются съ нею въ сліяніи, чаще даже опредѣляются мелодіей.

¹⁾ Въ этой пѣснѣ нѣкоторые образы появляются вполне неожиданно. Пѣсня эта не связана въ своихъ частяхъ и не закончена.

Подчиняясь свободной мелодіи, метръ пѣсни уже не подчиняется какому нибудь принципу стихосложенія, и въ этомъ смыслѣ неурегулированный стихъ народной пѣсни было бы всего правильнѣе назвать свободнымъ стихомъ, въ отдѣльныхъ строкахъ котораго преобладаетъ тотъ или иной размѣръ.¹⁾

Какъ же разрѣшилъ Дельвигъ задачу метра русской пѣсни? Метры, коими писаны стихи поэта, несомнѣнно заимствованы изъ народной лирики, тѣмъ болѣе, что иногда авторъ прямо подражалъ опредѣленному образцу, какъ въ пѣснѣ:

„Скучно дѣвушка въ весною жить одной“

„Голова ль моя головушка“ написана стихомъ, очень распространеннымъ въ 800-ыхъ годахъ, такъ называемымъ стихомъ „русскимъ“, употреблявшимся больше для произведеній эпическихъ, между прочимъ, еще и Херасковымъ. Дельвигъ отдаетъ очевидное предпочтеніе краткимъ размѣрамъ, которые онъ, вѣроятно, считалъ болѣе подходящимъ для русскихъ пѣсень; по крайней мѣрѣ извѣстно, что Дельвигъ находилъ непригоднымъ для русскаго стиля протяжный александрійскій стихъ. Лишь немногія пѣсни написаны однимъ и тѣмъ же размѣромъ, большинство представляютъ богатое метрическое разнообразіе. Рокковымъ недостаткомъ пѣсень Дельвига является то, что Дельвигъ совсѣмъ не принялъ во вниманіе неурегулированности русскаго пѣсеннаго стиха. Пѣсни поэта выдержаны въ опредѣленныхъ размѣрахъ съ педантическою правильностью. Дельвигъ какъ будто причесалъ всѣ шероховатости подлинной народной пѣсни, отчего пѣсни его утратили красоту свободы и непосредственности. Дельвигъ въ размѣрѣ своихъ пѣсень nihil recsat, nisi quod nihil recsat.²⁾ Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину (1830) говоритъ: „языку нашему надобно воли дать болѣе—разумѣется, сообразно съ духомъ его“.

Въ стихосложеніи народной пѣсни нерѣдки случаи, когда въ метрическо-правильномъ стихѣ иные слоги могутъ быть ударяемы и неударяемы, напр.,

¹⁾ Напр., пѣсня:

„Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль да по Казанкѣ“,

стихи которой не уравниваются ни тонически, ни силлабически, ни метрически.

²⁾ Цыгановъ допускаетъ въ своихъ пѣсняхъ неправильности стиха, Мерзляковъ также, но дѣлаютъ это такъ рѣдко и боязливо, что даже трудно приписать этимъ случаямъ намѣренность.

„Подъ тобой ли подь рябинушкой,
Что не ма́къ цвѣтѣть, не трава́ ростѣть!“

Дельви́гъ тонко замѣтилъ эту особенность и пользуется ею съ большимъ мастерствомъ:

„Отъ лихой же разлѣчницы,
Отъ лукавой указчицы,
На воротахъ замо́къ висѣтъ,
Въ подворотеньку пѣсь гляди́тъ!“ (7)

Не меньшее искусство выказалъ Дельви́гъ и въ пользованіи риемой. Въ пѣснѣ народной риемы иногда случаются, но, по счастливому выраженію Востокова „риемы, нечаянно родившіяся“ (надо замѣтить, что старинные теоретики народнаго стихосложенія, напр. Болховитиновъ и Востоковъ высказывали взгляды весьма основательные и по поводу свободы стиха, и по поводу риемоупотребленія). Риемы въ пѣсняхъ Дельвига именно носятъ случайный характеръ, какъ напримѣръ въ приведенныхъ уже строкахъ:

„На воротахъ замо́къ висѣтъ,
Въ подворотеньку пѣсь гляди́тъ!“

или въ пѣснѣ 11-ой:

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной
Собирался пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чилюкали,
Несобравшихся кликали.

Исключеніемъ являются только три цѣликамъ сриемованныя пѣсни.¹⁾ Удачно пользуется Дельви́гъ и ассонансами, столь характерными для народной поэзіи вообще. Напр. въ пѣснѣ 7-ой:

„У́ меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка“.

или въ пѣснѣ 11-ой:

„Не сидѣть же все дѣвицей,
Безъ любви и безъ радости,
До ворчунны ль до старости“.

Такимъ образомъ пѣсни Дельвига и съ точки зрѣнія узко-формальной народны въ подробностяхъ и не народны въ главномъ, т. е. въ

¹⁾ 6, 12 и 13-ая.

построеніи и въ метрѣ, такъ же, какъ и въ стилѣ, гдѣ чисто-народныя стилистическія мелочи украшаютъ ложную сущность.

Народность пѣсенъ барона Дельвига—характера внѣшняго. Подъ псевдо-народной оболочкой въ нихъ не чувствуется подлинности, не чувствуется народной души. Нѣтъ въ нихъ простой русской природы, нѣтъ духа глубокой древности, нѣтъ простого и чистаго эротизма. Этому впечатлѣнію дальности отъ русской народной жизни и чувствованій не можетъ помочь искусное владѣніе нѣкоторыми приѣмами народно-поэтическаго творчества. При всей любви и уваженіи къ дарованію Дельвига приходится согласиться съ суровымъ, но мѣткимъ мнѣніемъ Бѣлинскаго, что русскаго въ пѣсняхъ Дельвига—только слова. Слѣдуетъ замѣтить, что пѣсни Дельвига не совсѣмъ одинаковаго достоинства, смотря по времени написанія. Можетъ быть, при болѣе долгой жизни они могли бы развиться и въ болѣе совершенные образцы.

Многія изъ пѣсенъ Дельвига останутся навсегда прелестными и непритязательными пьесами, исполненными изящныхъ чувствъ, заключенныхъ въ благородную форму; но для того, чтобы пѣсни Дельвига могли казаться пріятными, нужно неминуемо отвлечься отъ ихъ притязаній на народность. Однако при всей ихъ ненародности, пѣсни Дельвига были, дѣйствительно, явленіемъ важнымъ для эпохи, т. к. они знаменовали собой значительный успѣхъ въ ряду многочисленныхъ эстетико-подражательныхъ пѣсенъ. Не говоря уже о томъ, что сентиментальныя пѣсенки Дмитріева не идутъ съ ними ни въ какое сравненіе, и прославленныя пѣсни Мерзлякова во многихъ отношеніяхъ уступаютъ имъ.

Но какими блѣдными и безжалостно искусственными кажутся пѣсни Дельвига передъ пѣснями Цыганова и Кольцова! Причина этому кроется въ основаніяхъ болѣе глубокихъ. Къ народноподражательной пѣснѣ можно подойти двоякимъ путемъ. Первый путь тотъ, которымъ шли поэты, ставившіе себѣ технико-эстетическую задачу, Дмитріевъ, Мерзляковъ, Дельвигъ и Пушкинъ. Другой путь—непосредственнаго творчества безъ предварительной намѣренности, путь близкій къ истинному непосредственному народному творчеству. Такимъ путемъ къ народной пѣснѣ подошли Цыгановъ и нѣсколько позже Кольцовъ. Оба эти поэта происходили изъ народа и были чисты отъ долголѣтняго вліянія цивилизаціи, вліянія пагубнаго для способности непосредственнаго выраженія. Пѣсни Цыганова, который былъ современникомъ Дельвига, кореннымъ образомъ отличались отъ пѣсенъ послѣдняго, почему сравненіе этихъ двухъ поэтовъ должно быть проводимо чрезвы-

чайво осторожно. У Дельвига ложная сущность, почти совершенная выѣшность, у Цыганова при чрезвычайно неровной выѣшности—подлинно-народная сущность. Оцѣнка эстетическаго подражателя должна быть значительно строже, нежели оцѣнка такого непосредственнаго пѣвца, какимъ былъ Цыгановъ. Цыганову простительныя многіе lapsus'ы, многіе недостатки за эту чисто народную непосредственность. Цыгановъ былъ по справедливости оцѣненъ и критикой, и народомъ. Пѣсни Цыганова поются много, музыка къ нимъ давно затеряла своихъ авторовъ, но еще и теперь врядъ ли найдется въ Россіи человекъ, который не зналъ бы пѣсни: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“. Нѣсколько позже Кольцовъ, тоже народный пѣвецъ, но пѣвецъ болѣе сильнаго дарованія, къ тому же воспитавшій свой геній на стихъ Пушкина, довелъ народно-подражательную пѣсню до высокаго совершенства. И Цыгановъ, и Кольцовъ пѣли свои пѣсни, Кольцовъ даже сочинялъ ихъ, напѣвая. Ихъ творчество даже съ трудомъ можетъ быть названо творчествомъ подражательнымъ.

Подготовка отъ природы, прирожденная слитность съ народной душой значительно облегчаетъ созданіе пѣсни въ народномъ стилѣ; что для поэта ненароднаго по духу представляетъ трудно разрѣшимую эстетическую задачу, то поэтомъ-пѣвцомъ можетъ быть почувствовано и воплощено безъ труда. Поэтъ—эстетическій подражатель долженъ разрѣшить множество такихъ задачъ: общее настроеніе, мотивы, образы, языкъ, форма—все это представляетъ почти непреодолимыя трудности. При такихъ трудностяхъ возможна ли и вообще искусственная подражательная пѣсня?

Отвѣтъ на это сомнѣніе—въ пѣсняхъ Пушкина, которыя и самъ Кирѣевскій не умѣлъ отличить отъ подлинныхъ народныхъ пѣсенъ. Но для достиженія такого идеальнаго подобія народной лирики въ пѣснѣ эстетико-подражательной нужна была гениальная интуиція Пушкина, позволявшая ему съ божественной легкостью перевоплощаться. Пушкинъ создалъ неподражаемые образцы псевдонародной поэзіи и сравнительно съ нимъ Дельвигу принадлежитъ хотя и почетное, но мало видное мѣсто. И здѣсь, какъ и всегда, скромное дарованіе Дельвига затѣнено гениемъ его великаго друга.

Сергій Шервинскій.

